

T. MATHIASSEN

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФОРМ ПРИЧАСТИЙ НА *-es*, *-ę* В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ, *-is* В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящий очерк ставит себе целью провести анализ известных восточнобалтийских форм причастий прошедшего времени действительного залога с точки зрения их происхождения и положения в кругу индоевропейских языков, а именно — именительного падежа ед. ч. м. р. на *-es* в литовском языке, *-is* в латышском, далее именительного падежа мн. ч. м. р. и ед. ч. ср. р., выраженного в литовском языке общей формой на *-ę*. Примером могут послужить лит. *ėdęs*, лат. *ēdis*, лит. *ėdę*. Косвенные же падежи показывают вместе с формами им. п. ж. р. суффикс *-us-*, тождественный с нулевой степенью древнего причастия перфекта, ср., напр., старослав. *vedъši*, санскр. *viduṣī*, греч. (гом.) *(F)ιδυῖα* < **widusyā*, далее готск. *berusjos* 'родители' (им. п. мн. ч. основы на *-ia*). Из древнепрussкого языка можно привести формы типа *ainangimmusin* 'единородный' (вин. п. ед. м. р.).

Древнепрussкий язык показывает в им. п. ед. ч. м. р. отчасти окончание *-uns* (которое встречается чаще всего), чередующееся с факультативным *-wuns*, встречающимся, по-видимому, исключительно после гласного, отчасти *-ons*, как и *-ans*, в котором, вероятно, нужно видеть исход причастия презенса. Примеры: *etskiūns* (III), *attskiwuns* (I) 'воскреснувший' *pergubuns*, *pergūbons*, *pergūbans* 'пришедший'. Таким образом, суффиксальная форма в литовско-латышском существенно отличается от всех дошедших до нас древнепрussких вариантов. Ее нельзя также соединить с сохранившимися в древнегреческом и индоиранском формами типа греч. *εἰδώς*, санскр. *vidvān* (основа *vidvāms-*), авест. *vidvā*. Можно сделать предположение, что древнепрussкие формы на *-(w)uns* и *-ons* отражают **-wōns*, соответствуя греческим и индийским формам, см. также Станг, *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen* 1966, с. 266 (в авестском носовой звук отсутствует, ср. выше-названный пример). Возникает, однако, вопрос, не является ли окончание *-uns* в древнепрussком основным, в то время как *-ons* представляется вариантом окончания *-uns*. Как известно, *u* и *o* в древнепрussком языке чередуются и в других случаях, ср., напр., *drowe* (I), *druwe* (I), *prosnan* (III) и *prusnan* (III). Огласовка *-u-* в *-uns*, на наш взгляд, удовлетворительно объясняется

внедрением вокализма косвенных падежей, см. Эндзелин *Altpreussische Grammatik* 1974, с. 196, представляющим, как нам кажется, аналогичное славянскому развитие. Носовой согласный можно объяснить как древне-прусское новообразование, где он, вероятно, возник по аналогии с причастием презенса, тип склонения которого близок к типу склонения причастия прошедшего времени (оба причастия показывают хотя бы в ограниченной мере тип склонения с основой на согласный). Собственно говоря, нетрудно предположить, что носовой возник в поздний период в том или ином языке, и что он проник только в им. п. м. р.: можно указать на то обстоятельство, что элемент *-s* вследствие своей двойной функции: 1) как составная часть суффикса (*-us-*), 2) как показатель именительного падежа, является в данном случае мало выразительным, тогда как носовой в состоянии выделить своеобразие данной формы, а именно, именительного падежа *причастия*. Древнепрусская материал в данном случае дает мало в сравнительно-исторической перспективе; на наш взгляд, форма им. п. данного причастия видоизменилась на древне-прусской почве. Тот же принцип преобразования или, скорее, новообразования автор склонен принять и по отношению к литовскому и латышскому языкам, о чем подробнее изложено ниже. Суффикс (лит.) *-e(s)* отличается от формы **-wōs*, реконструируемой прежде всего на данных греческого и индоиранских языков. Индийский носовой является, по нашему мнению, не первоначальным; что касается тембра гласного, то индоиранский материал, разумеется, не позволяет делать никаких выводов, но греческий свидетельствует об **-ō*. Можно назвать здесь и готск. *witwops* 'свидетель'.

Суффикс *-es-* отличается от **-wōs* следующими чертами: 1) отсутствием элемента *-w-*, 2) огласовкой *e* и 3) носовым согласным. Станг, *Das slavische und baltische Verbum* 1942, с. 208, здесь говорит о накоплении аномалий. Что касается носового, мы полагаем, что он возник в литовско-латышский период путем развития параллельного, на наш взгляд, с наблюдающимся в древне-прусском, о чем см. выше.

Формы без носового встречаются, как нам кажется, в наречии *Lazūnai*, ср. Р. Arumaa, *Litauische mundartliche Texte aus der Wilnaer Gegend* 1930, с. 67 и Станг, *Vergl. Gr. d. balt. Sprachen* 1966, с. 266. Однако возникает сомнение, следует ли придавать значение этим формам, о чем см. подробнее ниже (с. 48). Нам кажется далеко не удовлетворительным считать огласовку *e* в причастии перфекта интересующей нас формы первоначальной по данным только литовско-латышского и индоиранского. Индоиранский не обладает положительным доказательством, позволяющим предположить существование *-e-* в данной форме; в литовско-латышском имеется сама по себе неясная форма.

Что касается элемента *-w-*, то как общеизвестно, *-w-* в балтийских языках отпадает после губного. Так, напр., лит. *lipęs* теоретически может отражать более раннюю форму **lipw-*. От корней с исходом на губной потеря элемента *-w-* путем аналогии, возможно, распространилась на остальные типы. Таким образом, постройка общевосточнобалтийского **-wěs*, хотя и возможна, но, на наш взгляд, далеко не очевидна. Такая форма не имеет соответствия в других языках. Прямого основания для реконструкции восточнобалтийского **-wōs* также нет.

При обсуждении элемента *-ęs* мы сталкиваемся еще с одним затруднением: в им. п. мн. ч. м. р. и ед. ч. ср. р. имеется форма без *-s*, оканчивающаяся на *-ę*. Аналогична система причастия презенса: *-ąs* : *-ą*, напр. лит. *sukąs* : *suką*. *-s* в конце слова в балтийских языках не отпадает; отпадают лишь смычные *-t* и *-d*. Отпадение исходного согласного могло быть фонетически закономерным в причастии презенса, если — подобно многим исследователям — в форме на *-ą* видеть старое образование среднего рода; такая концепция, правда, осложняется известными синтаксическими отношениями. Если, однако, признать эту интерпретацию мыслимой, то естественно, что причастие претерита могло повергнуться влиянию причастия презенса. Если объяснять форму на *-ę* законами фонетики, необходимо исходить из форм на **-wōt-*, которые засвидетельствованы в некоторых языках. Формы эти чередуются с **-wōs-*, ср. греч. *εἰδότα*, *εἰδότες*; готск. *witwops* и т.д. Однако, на наш взгляд, едва ли есть основание предположить наличие суффикса **-wōt-* в системе балтийских причастий. В первую очередь, такой суффикс является в этой группе языков совершенно гипотетическим. Кроме того, относительно вокализма существуют те же проблемы, на которые мы указывали в связи с формой на **-wōs*.

Нам кажется маловероятным, чтобы формы им. п. развились от и.-е. **-wē/ō(n)s* по фонетическим законам. На наш взгляд, вероятно предположить, что формы эти являются литовско-латышским новообразованием, обусловленным сопоставлением двух основ презенса : претерита. Таким образом, мы склонны принять теорию Отрембского, *Gramatyka języka litewskiego* (III) 1956, с. 257 и Вайана, *Grammaire comparée des langues slaves* (II²), с. 555—556, по мнению которых мы имеем здесь дело с формами, образованными на основе балтийского *ē*-претерита. Эта теория поддерживается в исходном пункте и Коугиллом в статье „The nominative plural and preterit singular of the active participles in Baltic“, *Baltic Linguistics* 1970, с. 27. Наличие носового удобно объясняется аналогией с причастием пре-

зенса¹. То же самое относится и к форме на *-e*, которую можно объяснить следующей пропорцией: $-qs : -q = -es : x$, из чего следует, что $x = -e$. Это объяснение предполагает, что образование причастия прошедшего времени на *-e* распространилось на глаголы, образующие *ā*-претерит, путем аналогии². Такое развитие является довольно естественным, так как **-ā-ns* дало бы **-qs* и, таким образом, совпало бы с формой настоящего времени. На возможное возражение, что здесь следовало ожидать вокализма *e* и в косвенных формах причастия прошедшего времени, можно ответить, что форма им. п. по своему тембру и по иным признакам отличается от форм остальных падежей и в других случаях в системе литовского и латышского именного склонения, ср., напр., лит. *vanduō* : вин. п. *vāndenī*. Коугилл принимает исходный пункт Отрембского и Вайана, но находит синтаксические осложнения, связанные с этой интерпретацией³, столь затруднительными, что он предпочитает исходить из формы на *-e*, в которой он видит первоначальную личную форму, а именно, 3-е л. мн. ч. прошедшего времени: **-ē-nt*. (Как известно, в балтийских языках употребляется одна и та же форма — с исторической точки зрения формально представляющая собой 3-е л. ед. ч. — для выражения 3-го лица всех чисел.) Мы вполне учитываем то большое значение, которое имеют причастия в балтийских языках — как в письменной, так и в разговорной речи — но все же главное не в этом. Так, нам кажется весьма затруднительным признать утверждение, что при том или ином условии личная форма может употребляться как именная форма. Едва ли можно указать на сходные случаи (Коугилл, правда, указывает на параллельное, но, на наш взгляд, весьма отдаленное явление в эстонском языке), тогда как есть многочисленные примеры обратного развития, напр., так называемый *modus relativus* в литовско-латышском и претерит на *-l* в современных славянских языках. Трудно также принять то положение, на которое опирается Коугилл — см. назв. статью, с. 32 — что конструкция **jai/jās veden* ($< *vedent < *vedēnt$) перестала бы употребляться, уступив свое место партиципиальной конструкции; далее, трудно также понять, почему только форма 3-го л. мн. ч. могла уступить партиципиальной конструкции, а не другие формы. Для

¹ Правда, есть и возможность истолкования формы *-es* как образования, параллельного с *-qs*, но это уже вопрос хронологического порядка, о чем. см. ниже (с. 47).

² Есть известное основание полагать, что распределение между претеритами на *-ē* и *-ā* первоначально было несколько иным, чем в современных балтийских языках, что, возможно, еще более облегчает возникновение форм на *-es*, *-e* в качестве причастий претерита.

³ То обстоятельство, что форма причастия презенса на *-q* и аналогичная ей форма на *-e* должны были бы представлять собой форму среднего рода в функции мужского рода мн. ч.

того, чтобы сделать интерпретацию Коугилла убедительной, требовалось, пожалуй, чтобы форма 3-го л. мн. ч. была сама по себе идентична уже существующей форме причастия, но в таком случае, однако, интерпретация Коугилла оказалась бы по существу лишней. Возникает и еще вопрос, почему форма на *-e*, если принять, что в ней скрывается первоначальная *личная* форма, не употребительна и в функции мн. ч. ж.р.⁴. И что можно сказать о нашем *-e* в функции среднего рода ед. ч., играющем довольно важную роль? Эта функция почти не принимается во внимание в интерпретации, защищаемой Коугиллом. Можно назвать следующие примеры из литовского: *nustójo lije* 'дождь перестал идти', *viskas bús žuvę* 'все идет к концу', *lokys sulaižė, kas būvo nutrupėje* 'медведь вылизал то, что превратилось в крошки', см. А. Сенн, *Handbuch der litauischen Sprache*, I, 1966, с. 172—173. При всей симпатии к некоторым преимуществам интерпретации Коугилла, мы относимся к ней в целом со значительным скептицизмом.

Таким образом, мы в основном склонны придерживаться интерпретации Отрембского, реконструируя, напр., **vedē-ns*, образованное на основе *ē*-претерита с тем же окончанием, как и у причастия настоящего времени: *-n-s*. Форму *vedę* мы считаем скорее аналогичной, чем параллельной с соответствующей формой презенса (= *veda*), поскольку мы видим в претеритальных формах на **-ē/-ā* образования довольно поздней эпохи, см. также нашу статью „Baltisch und Slawisch. Zur Chronologie und Bedeutung der Kürzung langer Diphthonge“, *Donum Balticum* 1970, и *Studien zum slavischen und indoeuropäischen Verbum* 1974, особенно главу „Einführung“ и с. 63—71. Что касается огласовки корня, то причастие прошедшего времени повторяет вокализм личных форм прошедшего времени, например, лит. *gėres, gėre*, как и *gėrė* (о вокализме см. назв. работу автора 1974 г., с. 63 сл.), *liķes, liķe* как *liķo*. Так обнаруживается гетероклитическая парадигма, в которой им. п. мн. ч. м. р. и ед. ч. ср. р. являются *новообразованиями* с суффиксом и вокализмом корня *ē*-претерита, тогда как косвенные падежи показывают суффикс старого причастия перфекта, а корневой гласный в ряде случаев показывает вокализм личных форм балтийского претерита на *-ē* либо *-ā*; так, формы на *-es, -is, -e*, на наш взгляд, представляют собой *новообразования*, формы же на *-us* — *преобразования* (а именно, в ряде случаев корневого вокализма, о чем см. работу автора 1974 г., с. 63 сл.: *gėrusio, gėrusi* и т.д.). Станг, *Verbum*, с. 208 также высказывается за возможность гетероклитической парадигмы, но он склонен видеть в известных формах на *-e(s), -is* образования аориста; эта точка зрения, хотя и возможна, но, пожалуй, менее убедительна, чем теория, впервые выдвинутая, по нашим сведениям, Отрембским.

⁴ Правда, *-e* получило и в ж. р. некоторое распространение.

Теперь, в сущности, остаются две проблемы, которые нуждаются в обсуждении в связи с защищаемой здесь интерпретацией:

1) *какая форма* существовала до появления форм на *-ę(s)* и *-is* и *почему* эти последние заменили другую форму;

2) *каким образом* формы на *-ą* и, на наш взгляд, аналогичные на *-ę*, приобрели функцию мн. ч. м. р.

Важнее второй вопрос, однако и первый, „двуступенчатый“, требует ответа. Древнелат. *buewis*, *būwis* (по всей вероятности, представляющее *būvis*) против прет. *biju* показывает форму, которая не согласуется с претеритом в вокализме корня; форма эта, как нам кажется, несколько осложняет нашу точку зрения, так как здесь имеется амбивалентный в этом случае суффикс *-(v)is* < **-wēs* или **-w+ēs* вместе с корневым гласным *-u-*, что как бы свидетельствует о наличии старого причастия перфекта; однако далеко не ясно, что в этой форме скрывается *старое* образование. Возможно, мы имеем дело с новообразованием на основе инфинитива, обладающего в литовско-латышской глагольной системе таким же тембром вокализма, как и претерит⁵. Что касается балтийских языков, есть возможность реконструкции причастия на **-wō(n)s* в „сильных падежах“, **-us-* в „слабых“ (такая конструкция, однако, является в основном результатом анализа данных небалтийских и.-е. языков). Литовский и латышский языки впоследствии образовали причастия к балтийскому претериту (на *-ē* и *-ā*), после чего это причастие установило гетероклитическую со старым причастием перфекта парадигму. Эта парадигма образовала различие между формами им. п. ед. и мн. ч. м. р. и ед. ч. ср. р., с одной стороны, и остальными формами — с другой. Это различие, вероятно, существовало также и внутри склонения старого причастия, образованного на основе перфекта, хотя и в несколько измененном виде.

Что касается названного выше (с. 44) наречия (*Lazūnai*), можно полагать, что возникновение суффикса *-es-* здесь можно рассматривать как первый шаг к нормализации данной парадигмы, причем *-us-* заменяется элементом *-es-*, абстрагирующимся от *-ēs* (напр., *paru.vēšos kojos*); последним этапом развития является внедрение элемента *-es-* в им. п. (*bu.vēšis tšė.sas* ‘минувшее время’).

Мы еще не сделали попытки ответить на вопрос: почему возникла такого рода гетероклитическая парадигма: *для чего* **-wōs* → **-wōns* уступило свое место форме на *-ēs*? Можно здесь полагать, что **-wōns* развилось параллельно с **-ōns* в вин. п. мн. ч. *o*-основ, давши, таким образом, **-wus* (см.

⁵ Такой часто употребляющийся глагол, как глагол со значением „быть“, показывает во многих и.-е. языках странную смесь архаичных и новых форм.

нашу назв. выше статью 1970 г., с 325). После того, как -w- вследствие своего закономерного отпадения после губного стало некоторым образом неустойчивым звуком, можно полагать, что -w- развилось в позиционный вариант и что фонологически мы имеем здесь дело с элементом -us- так же, как в косвенных формах. Возможно, система оказала противодействие против угрожающего совпадения суффикса им. п. и остальных форм. Различие между им. п. и остальной частью парадигмы могло сохраниться — если считать это различие важным — посредством „заимствования“ им. п. у конкурирующего \bar{e} -причастия, в результате чего возникла гетероклитическая парадигма. Можно легко себе представить, что балтийские языки, подобно, напр., индоиранским, развили богатую систему причастий, и, таким образом, обладали — на наш взгляд, в довольно позднюю эпоху — и „ \bar{e} -причастием“ наряду с причастием перфекта и, возможно, еще причастием аориста. После того, как восточнобалтийский устанавливает единственную форму претерита на - \bar{e} либо - \bar{a} , могла бы в результате сходных функций произойти редукция состава причастий согласно принципу устранения алломорф. Предпосылкой развития $*-w\bar{o}ns$ в $*-(w)us$ является акутированная интонация — объяснение, не вызывающее серьезных возражений. Новообразованная, на наш взгляд, форма, как, напр., лит. *mātes* от *matyti*, не является аргументом против этой интерпретации, поскольку здесь наблюдается лишь автоматическое повторение акцентуации базисной формы претерита *mātė*. Судя по состоянию современного литовского языка, наблюдается немало колебаний в акцентуации причастий.

По существу, остается только один вопрос, хотя и самый трудный. Каким образом форма на -*a* и, на наш взгляд, аналогичная ей форма на -*e* могли приобрести функцию мужского рода множественного числа? Ведь сравнительно-исторический подход позволяет нам лишь возвести окончание -*a* к старой (унаследованной) форме единственного числа среднего рода. (Теоретически можно, пожалуй, предположить, что форма мн. ч. ср. р. звучала $*-ontH_2$, что в балтийском, видимо, развилось в $*-\bar{o}nt$ (давшее в свою очередь $*-unt$) либо $*-\bar{a}nt < *-\bar{a}ntH_2 < *ontH_2$, причем последняя альтернатива должна была дать -*a*, но все же проблема перехода от среднего рода до мужского рода не устранена.) Вопрос о том, почему форма среднего рода, по-видимому, даже ед. числа, стала употребляться в функции мужского рода мн. ч., вызвал интерес у многих исследователей. В последние годы можно указать на аргументацию Станга, *Vergl. Gr. d. balt. Spr.*, 1966, с. 265, на которую мы ссылаемся по данному вопросу⁶. Хотя точку зрения Станга

⁶ Ср. также типологически нем. *alles ging in die Stadt: alle gingen in die Stadt*. Подобные случаи из литовского и латышского языков нам, однако, неизвестны.

нельзя считать совсем убедительной, но его решение вопроса возможно. Можно сказать, что эта проблема как бы находится за пределами самой интерпретации форм на *-es*, *-e* как новообразований на основе *ē*-претерита⁷.

В заключение следует сказать, что мы склонны согласиться с мнением Отрембского и Вайана по поводу образования причастий на *-es*, *-e*. Мы считаем формы на *-es*, *-e*, *-is* главным образом новообразованиями на основе *ē*-претерита, но не исключаем возможности, что в известных случаях могут лежать в основе и другие по происхождению образования, представляющие перфект и аорист, хотя такое предположение является не совсем необходимым. Мы имеем здесь в виду известные формы, которые упоминаются Стангом, *Verbum* 1942, с. 207–208. Древнелат. *būvis*, ср. выше (с. 48), возможно, сохранило вокализм старого перфекта, но возможно также, что это новообразование на основе инфинитива. Можно, пожалуй, предположить, что *būvis* представляет собой реликтную по происхождению форму, принадлежащую к перфектной системе по отношению и к корню, и суффиксу, таким образом, свидетельствующую о балтийском **(w)ēns*, но такое предположение является отнюдь не обязательным.

Нам кажется правдоподобным, что в балтийском имелись причастия перфекта и аориста и что в дальнейшем *ē/ā*-претерит также развил своеобразную систему. После того, как *ē/ā*-претерит стал единственным претеритом, произошла селекция алломорф, что привело к восстановлению сравнительно простой, но в то же время и хорошо характеризованной системы презенса *-as/-ant* (*-is/-int* к глаголам *-i/-ēti*): претерит *-es/-us*. Наречие (*Lazūpai*) вероятно, еще больше упростило эту систему, но с сохранением того же самого фундаментального различия между *participium praesentis* и *participium praeteriti*.

⁷ В употреблении совместной формы, по своему происхождению представляющей форму 3-го лица ед. ч., для выражения всех чисел и в употреблении совместной формы на *-e* в функции как ед. ч., так и мн. ч., можно видеть некоторым способом родственную проблематику.